

иконописания, которая показывает, что он, несмотря на провозглашение Никоном грозной анафемы против «франкских» икон, не хуже протопопа Аввакума чувствовал скрытую тенденцию действий патриарха. Владимир весьма правдоподобно объясняет выступление Никона против живописных икон: по его словам, Никон выступает вовсе не против латинских икон вообще, а против плохо писанных, с его точки зрения, икон, при этом «не токмо латинских, но и русских», а также против попыток некоторых иконописцев подражать западным образцам, не имея достаточного мастерства (л. 61—61 об.). Конечно, Владимиров лучше знал подлинное положение дел, чем заезжий иноземец Плешкович, который, как и Павел Алеппский, видел лишь внешнюю сторону деятельности Никона. Да и сохранившиеся до наших дней фрагменты икон из Ново-Иерусалимского монастыря¹⁹ достаточно ярко иллюстрируют вкусы Никона, любившего именно «живоподобные» иконы, но принимавшего и иконы, написанные в старой манере. Как видно из возражений Иосифа Плешковичу, крутые действия Никона в неделю Торжества православия нисколько не испугали московских «западников».²⁰

Взгляды Никона и Владимирова совпадают и в их отношении к иконам, которые негодны для церковного употребления: Никон требовал сожжения плохих «франкских» икон; Владимиров также считает, со ссылкой на авторитет иерусалимского патриарха Софрония, что следует сжигать старые иконы (л. 65). Можно предположить, что свое обоснование сожжения икон Владимиров также заимствовал в кругах, близких к Никону, так как последний обычно не решался действовать самостоятельно в своих реформационных попытках, но, как правило, опирался на признанные авторитеты.

Для понимания отношения Никона к иконописи представляет интерес сообщение Владимирова о действиях вологодского епископа Маркелла, направленных на улучшение иконописания. Маркелл запретил писать плохим мастерам, назначил в мастерских старост и велел мастерам подписывать иконы (л. 38 об.). Чем были вызваны мероприятия епископа Маркелла? Если принять во внимание, что епископ Маркелл и патриарх Никон отправляли совместное богослужение в памятную неделю Торжества православия,²¹ то станет ясной связь его действий с общей художественной политикой Никона, который, вероятно, не собирался ограничиться лишь негативными оценками иконописи.²²

Иосиф Владимиров — весьма хорошо образованный для своего времени книжник. Он умело пользуется самой разнообразной литературой. Им упоминаются и киевские издания, и острожские, и московские последних лет. Владимиров знаком и с современными ему рукописными переводами, осуществлявшимися в Посольском приказе. Так, он ссылается на написанную в Киеве полемическую книгу «Лифос», или «Камень» (в русском переводе), переведенную с польского языка в 1652—1653 гг.²³ Е. С. Овчинникова подсчитала, что в «Послании» имеется 113 ссылок.²⁴

¹⁹ Находятся в Музее им. Андрея Рублева, см., например: №№ ВП176, ВП177, КП646

²⁰ На основании свидетельства Павла Алеппского некоторые исследователи находят сходство в воззрениях Никона и Аввакума на иконопись (см., например: Ю. Н. Дмитриев. Семнадцатый век, стр. 54). С этим, конечно, нельзя согласиться.

²¹ Павел Алеппский, стр. 129.

²² Протопоп Аввакум, вероятно, мог иметь реальные основания говорить, что именно Никон «умыслил, будто живых писати» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960, стр. 135).

²³ Переводчиком книги был киевский певчий Петр Иванов Бережанский, см.: Материалы для истории русского церковного пения. — ЧОИДР, 1846, № 3, стр. 28.

²⁴ Е. С. Овчинникова, стр. 18.